

© В. Е. ВЕТЛОВСКАЯ, © Б. Н. ТИХОМИРОВ

ОБ АКАДЕМИЧЕСКОМ ПОЛНОМ СОБРАНИИ СОЧИНЕНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

(изд. 2-е, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ)

Мысль об издании второго, исправленного и дополненного академического Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского (далее ПСС₂) возникла в связи с предстоящим в 2021 году 200-летним юбилеем писателя. Но идея необходимости такого издания назрела давно.

Дело в том, что первое академическое издание Ф. М. Достоевского (далее ПСС₁), до сих пор пользующееся заслуженным авторитетом, не свободно от погрешностей и серьезных недостатков как в текстологическом отношении, так и в отношении сопровождающего текста Достоевского научного аппарата. Перечень разного рода неточностей, упущений, ошибок, выявленных уже в процессе печатания этого собрания, в последующем значительно увеличился в связи с новым обращением публикаторов к текстам писателя (например, в изд.: *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: Канонические тексты* / Под ред. В. Н. Захарова. Петрозаводск, 1995—2007. Т. 1—7 (издание продолжается)) и многочисленными статьями и монографиями исследователей, которые заинтересованно и разнообразно обращались к текстам ПСС₁ в своей научной работе.

На первом академическом Полном собрании сочинений Достоевского лежит печать времени. Жесткие установки господствовавшей идеологии, прямые и косвенные цензурные вмешательства на всех этапах и уровнях подготовки собрания (от текстов, состава и последовательности томов до издательской редактуры), несмотря на все усилия редколлегии, текстологов и комментаторов противостоять им, не могли не сказаться отрицательным образом на издании в целом.

Так, например, целая редакция третьей части «Бесов» оказалась «растворенной» в сводке вариантов, чтобы для большинства читателей значительный пласт творческих материалов этого самого тенденциозного и антиреволюционного романа Достоевского оказался практически недоступен.

Но цензурные вмешательства — не единственная причина пропусков, ошибок и искажений. Текстология первого академического издания Достоевского заметно уступает текстологии новейших академических изданий русских классиков (Пушкина, Гоголя, Блока...). В новейших изданиях очевидно осторожное и вдумчивое отношение публикаторов к воле автора, начиная с пунктуации, интонирования фразы, с соотношения прописной и строчной букв и т. п. В ПСС₁ Достоевского, напротив, можно усмотреть ряд уступок ученых-текстологов давлению издательских редакторов, стремившихся осовременить публикуемый текст. С другой стороны, современный анализ материалов первого же тома ПСС₁, заново проанализированного опытными текстологами, обнаружил пропущенные слова в основном тексте произведений, пропущенные варианты, логическую непоследовательность

внесенных редакционных изменений по отношению к последней прижизненной публикации, положенной в основу публикуемого текста, и т. д. Стало ясно, что любые исправления и дополнения в ПСС₂ должны начинаться с заново осуществленной фронтальной сверки текстов с первоисточниками. Вне такой работы ПСС₂ неизбежно утратит высокий статус академического издания. Идея «выборочной текстологии», с которой вступили В. Е. Багно и В. Д. Рак, представляется в этой связи легковесной, непродуктивной, а при ближайшем ознакомлении с нею и в высшей степени странной. Так, например, отказываясь от академического принципа сплошной сверки с автографами и прижизненными изданиями Достоевского, В. Е. Багно и В. Д. Рак парадоксальным образом рекомендуют при подготовке ПСС₂ для «оценки корректности напечатанных в ПСС₁ текстов» учитывать «отступления от них и новации», принятые в новейших собраниях сочинений писателя, вышедших под редакцией В. Н. Захарова и Т. А. Касаткиной (с. 65—66). То есть фактически проводить сверку, но не с первоисточниками, а с современными изданиями, в основу которых были положены иные, нежели в ПСС₁, текстологические идеи. Это нечто неслыханное в академической науке! В таком случае было бы лучше вообще не трогать в новом издании текстологию ПСС₁. Тогда, по крайней мере, всем было бы ясно, что издатели ПСС₂ просто «консервируют» допущенные в ПСС₁ ошибки и недочеты (ведь далеко не все из них на сегодняшний день выявлены и указаны), а с другой стороны, создают благоприятную почву для появления новых погрешностей, как это сплошь и рядом имеет место при бездумных перепечатках.

17 ноября 2008 года на расширенном заседании Текстологической комиссии ИРЛИ РАН (председатель Комиссии В. Д. Рак), на котором обсуждался проект Инструкции по подготовке второго издания ПСС Достоевского, все члены этой Комиссии, за исключением одного В. Д. Рака, проголосовали *против* идеи выборочной текстологии при издании ПСС₂.¹ В. Д. Рак отказался на время от своей идеи (во втором, промежуточном варианте проекта). Но «административный ресурс» директора ИРЛИ РАН и главного редактора ПСС₂ В. Е. Багно позволил им с В. Д. Раком в конечном счете проигнорировать решение Текстологической комиссии Института, реанимировать отвергнутую идею выборочной текстологии и вернуть ее на прежнее место в окончательный вариант Инструкции.² В результате текстологическая ценность 2-го (юбилейного!) издания Достоевского заранее сведена к нулю.

Не лучше обстоит дело и с подготовкой историко-литературного и реального комментариев. В. Е. Багно и В. Д. Рак заявляют, что «присутствующие в ПСС₁ конъюнктурные идеологические наслоения советской эпохи» имеют внешний характер, легко устранимы и «не предусматривают коренного текстологического и концептуально-интерпретационного пересмотра ПСС₁...»

¹ Положение Инструкции, согласно которому «фронтальная, сплошная сверка напечатанных в ПСС₁ текстов Ф. М. Достоевского (...) с их печатными и рукописными источниками не проводится», голосовалось отдельным пунктом.

² Когда окончательный проект Инструкции ПСС₂, содержащий пункт об отказе от фронтальной сверки с первоисточниками, был вынесен на рассмотрение и утверждение Редколлегии, двое из членов ее первоначального состава, утвержденного 22 сентября 2008 года, — заместитель главного редактора В. Е. Ветловская и Т. И. Орнатская — отказались участвовать в заседании. Г. Я. Галаган на обсуждении высказалась решительно против этого положения, но при голосовании четырьмя голосами — В. Е. Багно (два голоса), В. Д. Рака и Н. Ф. Бударовой — против одного Инструкция была утверждена. После этого, в начале марта 2009 года, В. Е. Ветловская, Г. Я. Галаган и Т. И. Орнатская подали письменные заявления о выходе из Редколлегии ПСС₂. На заседании Ученого совета ИРЛИ 7 мая 2009 года их заявления были удовлетворены.

(с. 62 и др.). Но если и в комментариях ПСС₁, несмотря на прошедшие десятилетия, падение коммунистической и атеистической идеологии, вышедшие в свет капитальные исследования по ключевым вопросам проблематики и поэтики Достоевского и т. д., мало что предполагается менять, то спрашивается, зачем вообще затевать новое долговременное и трудоемкое издание? Какой смысл?

В действительности же картина выглядит существенно иначе. Например, целые разделы историко-литературного комментария к «Запискам из подполья», «Бесам», многим главам «Дневника писателя» настоятельно требуют изъятия и коренной переработки. Практически в ПСС₁ нет комментариев, в которых не было бы необходимости в той или иной степени что-либо откорректировать, уточнить, дополнить. Во имя чего, позволительно спросить, современный академический специалист, жизнь положивший на изучение Достоевского, должен воздерживаться от такого рода необходимой правки и с большим пиететом относиться к текстам комментатора-предшественника, нежели к текстам комментируемого гениального писателя, точное воспроизведение которых, как мы видим, новых издателей чрезвычайно мало заботит?

Идея текстологической неприкосновенности прежних комментариев порождает парадоксальные решения, не имеющие аналогов в практике ни академических, ни каких-либо иных изданий. Так, например, в случае, когда сотрудник ПСС₂, редактирующий текст примечаний ПСС₁, обнаруживает, что они содержат неосновательную аргументацию, ошибочные заключения, неверные оценки, ему предписывается *сохранить текст примечания ПСС₁ без изменения*, но сделать к соответствующему месту подстрочное примечание (сноску), содержащее контраргументы, «оспаривающие и ставящие под сомнение» положения искомого текста (с. 67). Любой специалист хорошо знает, что, чтобы аргументированно и убедительно опровергнуть ошибочную, но имеющую за собой многолетнюю традицию точку зрения, зачастую требуется поставить во взаимосвязь целую серию разнообразных наблюдений и фактов, что предполагает сложное и пространное изложение. В. Е. Багно и В. Д. Раком, воспроизводящими в статье ключевые положения Инструкции по подготовке ПСС₂, предлагается ограничиться для решения подобной задачи подстрочным примечанием. Но не будет ли при конкретном исполнении такое примечание занимать большую часть страницы? И потом, последовательно осуществленная на протяжении всего ПСС₂, подобная система *примечаний к примечаниям* объективно окажет ПСС₁ «медвежью услугу», формально обозначив все слабые места, ошибочную аргументацию, неверные интерпретации и т. п. первого издания. Входил ли такой «побочный эффект» в замысел составителя Инструкции?

Предлагается соавторами и иное, казалось бы, противоположное решение, но в конечном счете дающее тот же эффект. Допускается «изъятие из текста преамбулы [ПСС₁] пространного фрагмента, содержащего сведения и положения, которые были доказательно опровергнуты в работах, опубликованных после выхода данного тома ПСС₁» (с. 67), но и в этом случае подобные купюры предписывается сопровождать подстрочными примечаниями. Не сложно представить, что вместе с «примечаниями к примечаниям» предшествующего типа эти режюмирующие сноски угрожают фатально превратить страницы академического издания в «многослойный пирог», совершенно неудобоваримый не только для массового читателя, но и для специалиста. Сложнее понять, во имя чего предпринимается все это изощренное квазифилологическое форматворчество.

Представляется, что за всем этим стоит пренебрежение к достижениям современной историко-литературной науки о Достоевском. Приводимые В. Е. Багно и В. Д. Раком примеры перекосов, например, в некоторых сегодняшних интерпретациях романа «Идиот» являются вполне спекулятивными, поскольку ни у В. Е. Багно, ни у В. Д. Рака нет никаких оснований полагать, что академические ученые, взявшиеся за подготовку ПСС₂, стали бы руководствоваться в своей работе идеями авторов подобных интерпретаций, а не взвешенными суждениями и контраргументами их оппонентов, которые были высказаны в ходе возникшей вокруг них полемики.

Вообще можно заключить, что наука о Достоевском последних десятилетий (то, что сделано отечественными учеными после завершения ПСС₁ и малого академического собрания сочинений Достоевского в 15 томах) не устраивает В. Е. Багно и В. Д. Рака своим «интерпретационным направлением», «опасностью конъюнктурных издержек», пребыванием в «состоянии становления» и т. п. (с. 63). Далее авторы разъясняют: «Комментарий в ПСС₂ должен сообщать фактические сведения с идеологически нейтральной позиции. Непозволительно подмена историко-литературного объяснения текста Достоевского его мифо- и метапоэтическим, символическим, просвещающим и тому подобным толкованием...» (с. 68). Но в таком случае, что, например, собираются делать В. Е. Багно и В. Д. Рак с таким комментарием Г. М. Фридендера к «Хозяйке»: «Борьба Ордынова и Мурина за душу Катерины получает в повести (...) наряду с прямым и иной, символический смысл: образ „хозяйки“ Катерины перерастает под пером Достоевского в символ национальной стихии, народной души, страдающей под мрачной властью прошлого, воплощенного в образе „колдуна“, купца старообрядца Мурина...» и т. п. (ПСС₁, 1; 508).

Подобные комментарии присутствуют в ПСС₁ сплошь и рядом, поскольку комментаторы этого издания и его фактический главный редактор Г. М. Фридендер ясно сознавали, что они имеют дело с особым художником, виртуозно владевшим в том числе и символическими приемами письма (достаточно напомнить поэму «Великий инквизитор», библейские образы-символы «зерна», «Вавилонской башни», «превращения камней в хлебы» и т. п. в последнем великом романе писателя). И это символическое письмо — характерная особенность художественной манеры Достоевского на протяжении всего его творчества. Отказаться от филологически корректного пояснения такого рода вещей — значит отказаться от комментирования Достоевского в принципе. А почему? С какой стати?

Задача академического издания, вопреки утверждениям В. Е. Багно и В. Д. Рака, заключается вовсе не в том, чтобы предложить «идеологически нейтральные» примечания к произведениям писателя (само по себе это еще не великая заслуга), а в том, чтобы в историко-литературном и реальном комментариях дать все необходимые сведения для понимания современным читателем текста произведения, адекватного авторскому замыслу и природе творчества художника.

Но издание ПСС₂, как несколько неожиданно выясняется в конце статьи В. Е. Багно и В. Д. Рака, вовсе не планируется ими, строго говоря, как *академическое* издание. Соавторы пишут: «...Пушкинский Дом, сообразуя свою деятельность с реальными возможностями, в условиях настоящего времени не может позволить себе ставить в этой области (изучения наследия Достоевского и издания его сочинений. — В. В., Б. Т.) амбиционные и утопические [sic!] цели» (с. 68). Сказанное означает, что ПСС₁ — одно из лучших для своего времени изданий классики в России и за рубежом — в новом своем «кое-где исправленном и кое-чем дополненном» виде (ПСС₂) обозначит

собою применительно к задачам современности серьезный шаг назад на поле академической науки. Квалифицированные специалисты ИРЛИ РАН, занятые в новом издании Достоевского, будут обречены в ближайшие годы на абсолютно нетворческую работу, далекую от традиций и научных принципов отечественной академической филологии. Все это не может быть иначе расценено как зловещий симптом *застоя* в деле изучения Достоевского в Пушкинском Доме. Не может, естественно, при подготовке такого рода издания идти речи и о «прекрасной школе» для исследователей нового поколения, о том, чтобы «растить» молодые кадры академических ученых (с. 68). Все это благие пожелания и пустые слова.

Слова об «амбициозности» и «утопичности» в настоящий момент академических трудов классического типа — тревожный признак глубокого неблагополучия в нашей науке. Таких «облегченных» изданий Достоевского, к которым В. Е. Багно и В. Д. Рак хотели бы присовокупить и старое академическое издание ПСС₁ классика русской литературы, вполне достаточно на книжном рынке. Но полноценное новое академическое издание Достоевского, подготовленное с академической основательностью, эрудицией и широкой взглядом, с уважением к предшественникам, с одной стороны, и с продуманными, взвешенными новациями, с опорой на опыт новейших изданий классического наследия — с другой, безусловно, было бы востребовано и в России, и за ее границами.

Отложим на будущее более обстоятельную и конкретную полемику вокруг проекта нового Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского. Думается, что для начала сказанного достаточно. Мы убеждены, что проект издания классика русской литературы, которое намереваются выпускать В. Е. Багно и В. Д. Рак, компрометирует академическую науку, роняет престиж Пушкинского Дома и даже в малой степени не соответствует размеру события, в связи с которым оно затевается, — 200-летию юбилею русского гения мирового масштаба.